

Наследие

О.А. Лавренова

«Россия сияет,
чрез концы земны
просвещена...»

Образ мира в поэзии М.В. Ломоносова

Михаил Васильевич Ломоносов, чье трехсотлетие со дня рождения мир отпраздновал в ноябре 2011 года, – знаковая фигура русской культуры и одно из самых выдающихся светил мировой науки, универсальный человек, «русский Леонардо», в полной мере владевший духовным синтезом. Он был гениальным ученым-энциклопедистом и просветителем, естествоиспытателем и гуманитарием и, как бы сейчас сказали, организатором науки. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, <...> учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка»¹, – писал

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1976. С. 11–13.

Петербург середины XVIII в. Гравюра Е.Г. Виноградова по рисунку М.И. Махаева. Фрагмент. 1753

о нем равновеликий титан российской культуры А.С. Пушкин.

Годом рождения русской литературы и началом расцвета русского классицизма можно считать 1739 год, когда была написана «Ода на взятие Хотина» (полное название: «Ода блаженным памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»). «Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему»². В стихах М.В. Ломоносова отразилась вся широта его научных познаний, его философия, его живое осмысление событий того времени.

В числе наук, которыми увлеченно занимался М.В. Ломоносов, была и география. В 1758 году ему было поручено «смотрение» за всеми учебными и научными учреждениями Академии наук – Географическим департаментом, Историческим

собранием, Московским университетом и Академической гимназией. Еще по указанию Петра I, в 1726 году, Академия наук начала работы по составлению «Атласа Российского». Было организовано несколько картографических экспедиций. Для ускорения работ в 1739 году был организован Географический департамент, однако карты изданного в 1745 году атласа изобиловали погрешностями. Возглавив департамент, Ломоносов мечтал издать новый, более точный атлас, для чего разработал, как бы сейчас сказали, его концепцию – подробный план получения физико-географических и экономико-географических данных с помощью специальных анкет, разосланных по всей стране, и представил проекты нескольких экспедиций, которые были осуществлены только после его смерти. Ломоносов предложил новые приборы и методы для определения географической долготы и широты, о чем написал в «Рассуждениях о большой точности морского пути» (1759), ходатайствовал об организации международной Мореплавательской академии для совместного решения наиболее важных научно-технических проблем мореплавания, работал как гляциолог – его перу принадлежит первая классификация морских льдов. С особым вниманием

² Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1976. С. 11–13.

он относился к морским путешествиям, подчеркивая их значение для России, составил «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1762–1763) и трактат «О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану» (1764).

Философия географии М.В. Ломоносова отразилась и в его поэзии. Центральным географическим образом и «географической» музой для него, конечно, была Россия.

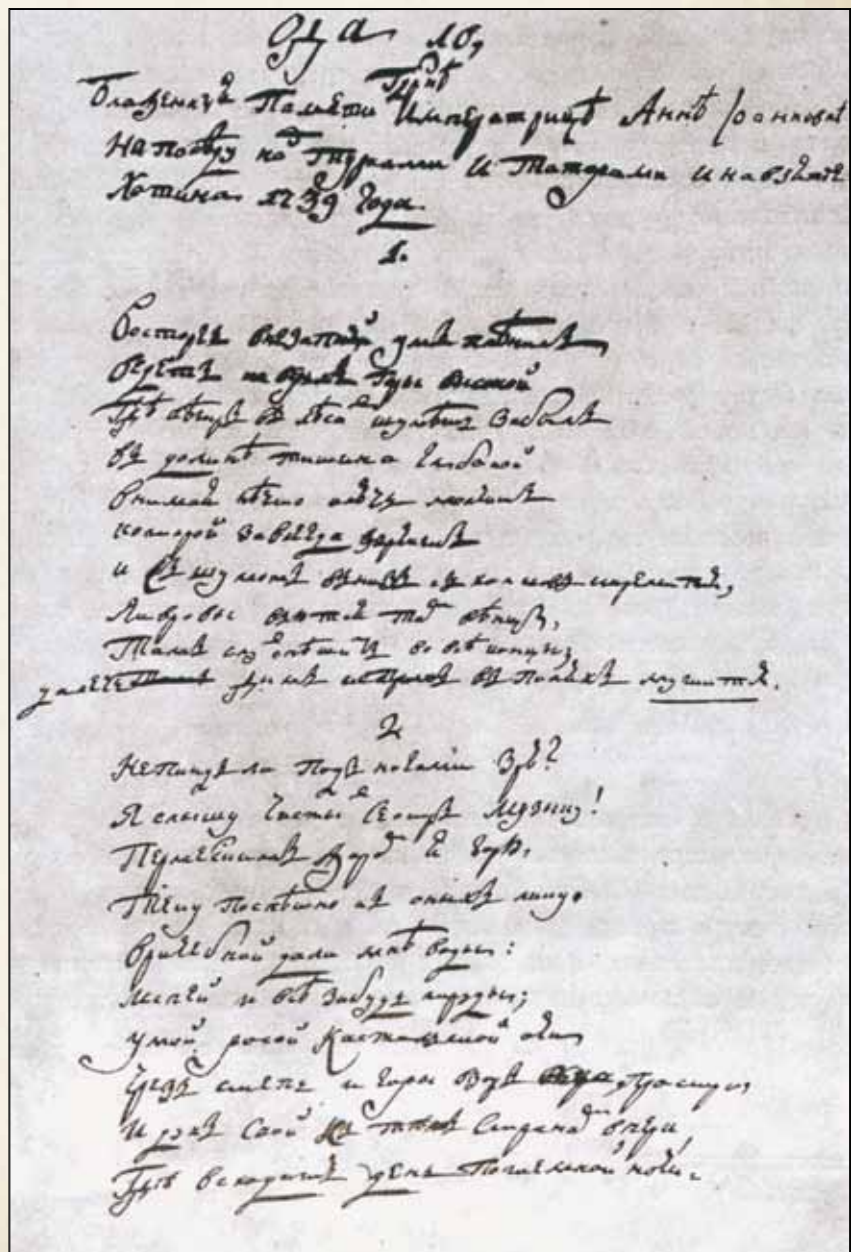
Панегирическое описание России, превозношение ее внутренней целостности и мощи очень характерно для М.В. Ломоносова, как и вообще для русской поэзии XVIII века. Россия в поэтических текстах имеет сверхположительную эмоциональную окраску, что объясняется не только естественным патриотизмом поэта, но и политической ситуацией того времени – сравнительным внутренним благосостоянием страны и укреплением ее положения на международной арене.

Говоря о России, Ломоносов очень часто прибегает к таким масштабным синонимам, как «Север» и «Восток». Название страны имеет множество поэтических производных: Российская страна, Российская держава, Российский Рай («прекрасный») и др. По отношению к другим странам слова «держава» и «рай» не используются и остаются исключительной принадлежностью России. Определив таким образом место России в мироздании и отдав должное ее военным и экономическим победам, поэт воспевает ее самобытность и самодостаточность:

Она, коснувшись облаков
Конца не зрит своей державы;
Гремящей насыщенной славы
Покоится среди лугов.
В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон
Своими чистыми струями

Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вокруг довольства исчисляет,
Возлегиши локтем на Кавказ³.

В этом иконическом образе читаются и имперская сущность России, и ее географические границы, причем положение «ногами на Восток», к Китаю, а «локтем на Кавказ» вполне соответствует более поздней метафоре «Петербург – голова, Москва – сердце», определяющей «голову и грудь» этого существа-макроландшафта на европейской территории. И эта макро-сущность – женского рода.

³ «ОДА на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года».

«Ода на взятие Хотина» М.В. Ломоносова. Автограф. 1739

Однако Российское самодержавие не только определяет свои границы, его величие простирается на весь мир:

*Лучи от твоего, монархиня, венца
В четыре разлились вселенныя конца.
Европа, Африка, Америка, Азия
Чудятся ясности, от коея Россия
Сияет, чрез концы земны просвещена⁴.*

Или:

*От Иберов до вод Курильских,
От вечных льдов до токов Нильских
По всем народам и странам
Ваши слух приятный протекает,
Языки многи услаждает,
Как благовонный фимиам⁵.*

Простое перечисление соседних территорий с акцентированием мощи Российской державы поднимает авторитет русской культуры. Из строк «в России строишь Рим», обращенных к императрице по случаю обустройства Царского села, следует, что для Ломоносова Россия в перспективе – «третий Рим», синоним высокой цивилизации, просвещенности и упорядоченности. В России концепт «третьего Рима» изначально был не только и не столько метафорой власти, сколько метафорой духовной преемственности. Идея о переходе к России ведущей роли в православном мире (после утраты ее Константинополем) впервые была сформулирована в письме монаха Филофея Василию III в конце XV в. Николай Бердяев писал об этом периоде истории русской культуры и ее самосознании: «Миссия России – быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. <...> Россия – единственное православное царство, и в этом смысле царство вселенское, подобное первому и второму Риму. <...> В духовных стихах Русь – вселенная, русский царь – царь над царями, Иерусалим – та же Русь, Русь там, где истина веры⁶». С этой концепцией было связано также

признание Россией библейского пространства своей прародиной и просто «своим» пространством.

Ландшафт России в поэзии М.В. Ломоносова оказывается достаточно хорошо «проработанным». Обладая обширными и детальными географическими познаниями, поэт и ученый в своих поэтических произведениях свободно апеллирует к российским топонимам. Наиболее значимой в опозитизированном пространстве России оказывается ее европейская часть. Она не обозначается как отдельный регион, поскольку не имеет в обыденной речи специального названия. Большинство присутствующих в стихах географических объектов сосредоточены в ее пределах. Самые крупные из них и наиболее важные для культуры России – это Черное (Понт) и Каспийское моря, Балтийское море (не только у Ломоносова, но и в русской поэзии того времени оно полностью принадлежит России), Волга, Дон, Нева, реке – Днепр, Дунай; Кавказские и Уральские горы (Рифей), Таврийские горы. М.В. Ломоносов упоминает все крупные сибирские реки (здесь необходимо отметить, что Сибирь на географических картах XVIII века занимала все пространство от Урала до Камчатки включительно) преимущественно в одах, для акцентирования мощи и широты российской державы. Ученый предвидел, что «России могущество будет прирастать Сибирью», и это отразилось и в его поэзии.

*В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тшчатся
Драгих мне в дар ловить зверей⁷.*

Или:

*И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутятся,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур⁸.*

Природные объекты в поэтических строках всегда описываются позитивно, но ярких харак-

⁴ «Надпись на иллюминацию, представленную в торжественный день коронования Ея Величества апреля 25 числа 1751 года перед зимним домом, где изображена в амфитеатре окруженная сиянием императорская корона и скипетр на украшенном постаменте с вензловым именем Ея Величества, по обеим сторонам два портала далече простирающихся аллей, при которых поставлены грудные изображения четырех частей света».

⁵ «ОДА на день брачного сочетания Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Петра Феодоровича и Государыни Великий Княгини Екатерины Алексеевны, 1745 года».

⁶ Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-Классика, 2008. С. 37.

⁷ «ОДА на день восшествия на престол <...> Елисаветы Петровны 1748 года».

⁸ «ОДА на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Песнь 18.

теристик не так много – прежде всего воспринявшая блеск и мощь Санкт-Петербурга Нева, «великая Двина»⁹, «О как красуетесь, Балтийски бреги, вы!»¹⁰ (имеется в виду российская Балтика), Лена:

*Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной*¹¹.

Важную роль в геокультурном пространстве России, как показывает поэзия не только Ломоносова, но и его современников, играют Уральские горы. Урал, Рифей, хребет Рифейских гор в поэтических текстах встречается довольно часто и символизирует российскую мощь и неприступность, мифическую силу. Кроме того, Урал рассматривается Ломоносовым как источник российского

богатства – там в 1745 году было открыто первое коренное месторождение золота, положившее начало его промышленной добыче. Торжество российской науки аллегорически представлено поэтом в образе Минервы:

*И се Минерва ударяет
В верьхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём*¹².

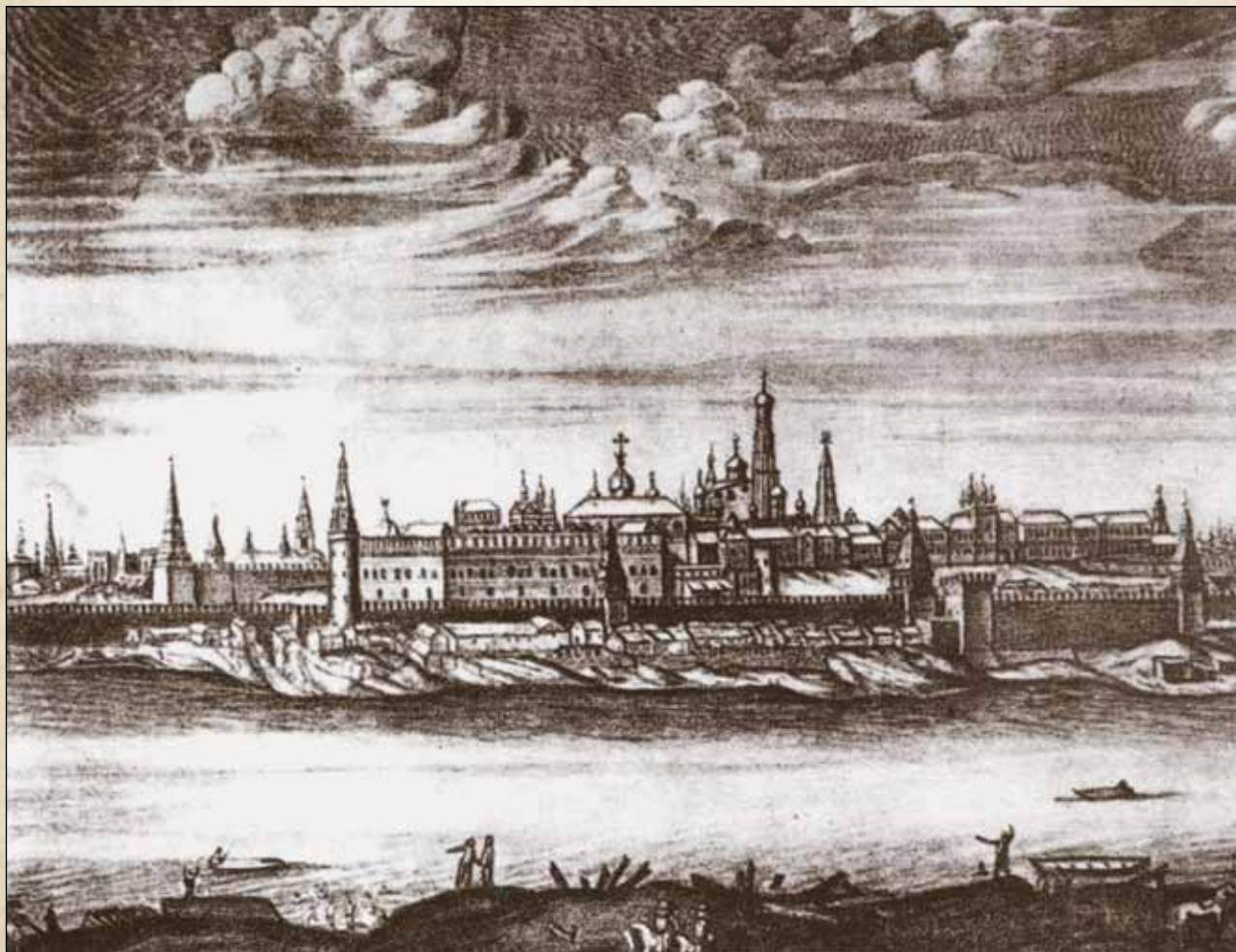
Кавказ, напротив, эмоционально преуменьшен. Номинально этот регион еще не принадлежит России. Времена М.Ю. Лермонтова, открывшего России кавказскую самобытность, еще в далеком будущем, и поэтому эмоциональная позиция «возлегли локтем на Кавказ» пока преобладает.

⁹ «Петр Первый». Песнь первая.

¹⁰ «Поздравительное письмо Григорью Григорьевичу Орлову от Михаила Ломоносова с рудничных заводов июля 19 дня 1764 года».

¹¹ «ОДА на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Песнь 16.

¹² Там же. Песнь 21.

Москва начала XVIII в. Гравюра Яна Бликланда. Фрагмент. 1707

Вид на Императорскую академию наук и набережную Васильевского острова в Петербурге. Гравюра середины XVIII в.

Особо следует сказать о российских городах. Вполне естественно, что и по упоминаемости, и по смысловой нагрузке преобладают «две столицы». Петрополь, Петров град – эти величественные обращения говорят о первоочередной значимости города в культуре страны (о чем свидетельствует также общее количество обращений к Санкт-Петербургу в поэтических строках) и о его важности лично для Ломоносова. Слава Петербурга, как уже говорилось, отражается в водах Невы – она чиста, непорочна («чистый невский ток»¹³, «от чистых невских струй»¹⁴) и порфириносна:

*В стенах Петровых протекает
Полна веселья там Нева,
Венцом, порфирию блистает,
Покрыта лаврами глава*¹⁵.

На берегах столичной реки находят приют Музы:

*И вам, возлюбленные Музы,
За горьки слезы и за страх,
За грозно время и плачевно
Да будет радость повседневно,
При Невских обновясь струях*¹⁶.

Москва приблизительно равновелика Санкт-Петербургу по значимости и по частоте упоминаний. В отличие от столицы, Москва не имеет синонимов, зато ее красоту поэт подчеркивает неоднократно («красуется Москва»).

Образ мира в поэзии Ломоносова, как и других служителей поэтической Музы, складывается как результат трех основных факторов – личной биографии автора, политической ситуации и особенностей геокультурного пространства, «видимого» из России. Личные путешествия существенно влияют на детальность поэтических описаний мира. Два последних фактора служат основой эмоциональной окраски упоминаемых в поэзии

¹³ «Надпись на иллюминацию, представленную в Москве на новой 1753 год, где изображен был орел, прилетающий от Санкт-Петербурга к Москве и на Восток и на Запад взирающий».

¹⁴ «Поздравительное письмо Григорью Григорьевичу Орлову от Михайла Ломоносова с Рудицких заводов июля 19 дня 1764 года».

¹⁵ «ОДА на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года». Песнь 21.

¹⁶ «ОДА на день восшествия на престол <...> Елисаветы Петровны 1748 года». Песнь 4.

стран, их столиц или наиболее известных городов, иногда эта окраска переносится и на физико-географические объекты этих стран.

Характерно своеобразное постижение внешне-го мира через военные действия – значительную часть образа мира составляет военная география, места основных сражений XVII–XVIII века, в которых участвовала русская армия. По одам Ломоносова можно изучать военные кампании того времени. Например, Полтава, Хотин, Исмаил, крепость Ореховец и проч. упоминаются им исключительно в связи с военными действиями. Он живописует также «поверженный Азов» и победы, одержанные над Пруссией в 1759 году, причем с дальнейшей геополитической перспективой:

*За Вислой и за Вартой грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близ гремя, трясут*¹⁷.

«Берлин» в данном случае выступает как аналог Прусского королевства. Такой метонимический перенос названия мы наблюдаем и в современной политической речи.

В результате города и страны, связанные с военными победами России, включаются в информационный слой культурного ландшафта Российской державы как синонимы ее величия.

В поэзии Ломоносова часто присутствуют Европа, Греция (Афины), Германия (Берлин, Рейн), Рим («великий»), Италия. На этих географических реалиях, как на каркасе, построен поэтический образ мира. При этом надо учитывать, что в XVIII веке Россия еще продолжала политику Петра Великого, ориентированную на Балтийское море, что обеспечивало экономический и культурный контакт с Европой. Внутри Европы приоритет отдавался Германии. Здесь обучались российские студенты, в том числе и Ломоносов, которые привозили на родину не только научные и практические навыки, но и свою любовь к стране *alma mater*. Это обеспечивало Германии далеко не последнее место в русской великосветской культуре. В поэзии Ломоносова применительно к германским географическим объектам используются выпретенные определительные («гордый», «славный» Рейн).

Сравнительно часто в поэтические строки вплетается «Азия». Но из всех азиатских стран упоминается только Китай, наиболее могущественный азиатский сосед, а также Порты (Турция), Египет. Индия используется скорее как символ экзотики и сказочного богатства, нежели как реальная территория:

*...сокровища открыл,
Какими хвалится Индия*¹⁸.

«Индийские реки» и Инд благодаря своей плодородности и протяженности также используются как символы богатства и могущества.

Континенты в поэзии участвуют сравнительно редко – только Африка и Америка. При этом они наделены наиболее емким, широким, но одновременно и наиболее размытым внутренним смыслом. В 1742 году, когда Ломоносов работал над «Одой на прибытие Елизаветы Петровны в Петербург по коронации», пришло известие о том, что экспедиция В. Беринга и А.И. Чирикова достигла североамериканских берегов. В Оде появились следующие строки:

*К тебе от восточных стран спешат
Уже Американски волны
В Камчатский порт, веселья полны*¹⁹.

Таким образом, поэтический образ мира распадается на две части: привычный, хорошо знакомый мир – европейский, и загадочный, сказочно богатый – азиатский, африканский, американский, мир чудес, с которого постепенно, по мере расширения сфер влияния России, спадает романтический флер. Детальность поэтических образов малоизвестного экзотического мира минимальна, но само упоминание отдаленных территорий свидетельствует не только об эрудиции автора, но и о проникновении упомянутых топонимов со страниц академических атласов в культуру устной и письменной речи, что и позволяет свободно использовать их в поэтическом творчестве без риска непривычным термином разрушить гармоничный строй произведения.

Мифологические и исторические реалии в поэзии М.В. Ломоносова не только служат источником вдохновения, но и являются неотъемлемой частью поэтического языка XVIII века. Можно

¹⁷ «ОДА Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державной Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ея Величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные Ея победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова».

¹⁸ «ОДА на день восшествия на престол <...> Елисаветы Петровны 1747 года». Песнь 15.

¹⁹ «ОДА на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации».

говорить о едином историко-мифологическом пространстве, где историческое и мифологическое значения объектов не разграничиваются. В собственно мифологическом пространстве русской поэзии, кроме того, необходимо различать пространство, имеющее реальную географическую привязку (или хотя бы приблизительные географические ориентиры) – Олимп, Парнас, и пространство, существующее уже «в ином измерении» – Едем, Геон (река, вытекающая из райских кущ).

Основные реалии историко-поэтического пространства Ломоносова – Древний Рим, Эллада, Древний Египет, Ассирия, Византия. К библейским топонимам (Сион, Содом и др.) поэт обращается крайне редко, хотя занимается стихотворным переложением псалмов. Впрочем, эти объекты нельзя однозначно включить в категорию историко-мифологического пространства, поскольку они упоминаются не в прямой связи с библейскими событиями, но как смысловые символы этих событий, легко находящие аналоги в современности.

Мифологические и исторические топонимы используются в большей степени как символы или в риторическом ключе – как специфические термины поэтического языка. Великие реки (Тигр, Евфрат) служат символами произросшей на них культуры.

Наибольшей популярностью не только в поэзии М.В. Ломоносова, но и в русской поэзии XVIII века пользовалась античная мифология. Традиция классицизма и, в меньшей степени, традиция романтизма свидетельствовали о своеобразной экспансии культурного пространства России на территорию античной Греции. Из-за постоянного присутствия в поэзии античных богов и героев наиболее разработанным и наиболее употребляемым является мифологическое пространство античности. Парнас и Олимп – географические названия и символы, путешествующие из произведения в произведение. Их реальное географическое положение хотя и не имеет в поэзии большого значения, все же, надо полагать, было хорошо известно поэтам, получившим классическое образование. Эллада, Фракия, Троя, Афины, Фивы и другие географические названия, встречающиеся в поэтических произведениях, будучи собраны вместе, дают очень подробную карту античного мира.

Историческое пространство античности, отраженное в русской поэзии того времени, занимает в ней значительное место. Оно связано с распространенным жанром драмы на античные исторические сюжеты. Не только у Ломоносова, но и в поэтических произведениях его современни-

ков гораздо скуднее представлено историческое пространство Древнего Рима, Египта, Вавилона. Практически совсем не используется мифология этих древних стран, соответственно, нет и мифологического пространства. Перечисленные исторические топонимы упоминаются в контексте былого великолетия и могущества древних государств, так или иначе переносимых на Российское государство. Реки Нил, Тигр, Евфрат в историческое пространство не включаются, ибо несут исключительно символическую нагрузку многоводности, мощи, древнего величия. Египет и Рим также больше упоминаются в ином, современном значении.

Историческая Русь присутствует в поэзии М.В. Ломоносова, пожалуй, лишь в трагедии «Тамара и Селим», где говорится о Москве времен Дмитрия Иоанновича. Столь скромное упоминание древней и исторической Руси представляется следствием смещенного представления об исторических корнях в эпоху Русского Просвещения – они как бы произрастают из Античной Греции (изрядно трансформированной европейским возрождением), а также древнего Рима, Персеполя, Вавилона, в итоге символизируя процветание России.

Образ мира, явленный в поэзии М.В. Ломоносова, как уже говорилось, позволяет судить не только об образе мира автора, но и о геокультурном пространстве эпохи. Художественные и мировоззренческие вехи этого образа проникают сквозь века. Мало кто сейчас может вспомнить не только детали, но и суть русско-турецкого военного конфликта, но «Ода на взятие Хотина» навсегда останется одной из основ русской ментальности. Свидетельство тому – строки В.Ф. Ходасевича, написанные почти два века спустя:

*Из памяти изгрызли годы,
За что и кто в Хотине пал,
Но первый звук Хотинской оды
Нам первым криком жизни стал.*

Мы представляем вниманию читателей две жемчужины из поэтического наследия М.В. Ломоносова. «Ода на взятие Хотина» и «Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державной Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ея Величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные Ея победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова», пожалуй, самые яркие примеры русского национального самосознания.

Из поэтического наследия М.В. Ломоносова

Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года¹

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высоко²,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ³ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.
Не Пинд ли под ногами зрю
Я слышу чистых сестр⁴ музыку!
Пермесским жаром⁵ я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам вперид,
Где всходит день по темной ночи.
Корабль как ярых волн среди,

Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вкруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.
Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.
Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?

¹ «Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года». Соч. 1751. – Соч. 1757 (с исправлением опечатки в ст. 17: кастильской). Автограф 1739 г. не сохранился. Отрывки ранней редакции Рук. Рит. 1744 и Рит. 1748. Написано в Фрейберге после получения известия о взятии русскими войсками 19 августа 1739 г. (по старом стилю) турецкой крепости Хотин, в период с середины сентября до середины декабря 1739 г. (по новому стилю). Подготовляя Соч. 1751, Ломоносов переработал оду и, сохранив, а иногда усилив метафорический стиль, упорядочил синтаксис, устранил инверсии, создававшие затрудненность поэтической речи, ввел некоторые новые сравнения. Публикуется по: *Ломоносов М.В. Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, 1986. Комментарии А.А. Морозова.

² *Верьх горы высоко* – Парнас, куда ведет автора поэтический восторг. «Высокая гора» соотносится и с положением турецкого лагеря при Ставучанах.

³ *Ключ* – Кастальский ключ у подножия Парнаса. В переносном значении – родник поэтического вдохновения.

⁴ *Сестр* – сестер; здесь: муз.

⁵ *Пермесский жар* – вдохновение; Пермес – река в Беотии, на берегах которой обитали музы.

Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы⁶,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в труд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Через быстрой ток на огонь дерзает.
За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь⁷,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержат полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие степи – равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.
Пусть земля как Понт трясет,
Пусть везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут,
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.
Скрывает луч свой в волны день⁸,
Оставив бой ночным пожарам,
Мурза упал на долгу тень,
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный труп в турецкий полк.
Иной в последни видя зорю,
Закрой, кричит, багряной вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю.
Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!

Что бьет за странной шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся⁹.
Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским приплывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.
Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских¹⁰?
Каспийски воды¹¹, сей при вас
Селима¹² гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.
Герою молвил тут Герой:
«Нетщетно я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился.
Через нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чует.
Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;

⁶ Род отверженной рабы – т.е. род Агари. Ломоносов переносит это название на турок и татар.

⁷ За Тигр, Стамбул, своих заграбь. Стамбул – здесь обозначает всю Турецкую державу (Порту). Ломоносов предлагает ей убрать свои полчища в глубь Малой Азии (за Тигр).

⁸ Скрывает луч свой в волны день и т.д. Русские войска заняли турецкие позиции в седьмом часу вечера. Отступая, турки сожгли свой лагерь.

⁹ Герой открылся – т.е. Петр I. Далее Ломоносов вспоминает Азовский поход (1696), Персидский поход (1722) и войну со шведами («готфами»).

¹⁰ Смиритель стран Казанских – Иван Грозный.

¹¹ Каспийски воды. Намек на взятие Астрахани Иваном Грозным.

¹² Селим – здесь: условное имя для обозначения восточного властелина.

Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови друзей своих лежащих.
Уже, тряхнувшись, легкий лист
Страшит его, как яркий свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.
Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боишься собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна¹³ стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль русская ужасна сила.
Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И россом плеску отвечает;
Ярясь волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщет, как пронзенный зверь,
И чаёт, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.
Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Янычар твой свирепо злился,
Как тигр на русский полк скакал¹⁴.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.
Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попраля,
Целуйте руку, что вам страх

Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовью горя,
Вам казнь и милость обещает.
Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».
Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадов.
Пред русской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих¹⁵.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей?
Кто скоро толь тебя, Калчак¹⁶,
Учит российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней щадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток¹⁷, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.
О как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на турках тягота,
Которую от них носили;

¹³ Луна – полумесяц, эмблема Турции.

¹⁴ Янычар... на русский полк скакал. Имеется в виду контратака янычар (отборных турецких войск), обращенных бегство русскими войсками.

¹⁵ Стесняет внутрь Хотин своих. После разгрома турецкого лагеря при деревне Ставучаны турки укрылись в Хотине.

¹⁶ Калчак – турецкий паша, комендант крепости Хотин, вручивший русскому командованию ключи от крепости в знак капитуляции.

¹⁷ Где Вислы ток. Намек на взятие в 1734 г. русскими войсками Данцига на Висле, после чего они стали двигаться к Рейну (Рен).

И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.
Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала покойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепп¹⁸ сторит,
Обставят росским флотом Крит¹⁹;
Евфрат в твоей крови смутится.
Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превышает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность взносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.
Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили²⁰,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах²¹,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.
Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!

Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит оттуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярься, грызет;
То наша радость презирает.
Козацких поль заднестрской тать²²
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницей где покой насяен.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плывя, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.
Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь покойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.
Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов²³
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот, –
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе.
Между сентябрем и декабрем 1739

¹⁸ Дамаск, Каир, Алепп – торговые города, принадлежавшие в то время Турции.

¹⁹ Крит. Остров Крит принадлежал Турции.

²⁰ Тяжчае б Фивы обвинили. По преданию, древнегреческий поэт Пиндар (ок. 518–442 до н.э.) вызвал нарекания в своем родном городе Фивах за восхваление мужества афинян.

²¹ В Китайских чтут ее стенах. 28 апреля 1732 г. в Москву прибыло китайское посольство, принятое Анной Иоанновной и заверившее ее в стремлении к нерушимой дружбе с Россией.

²² Заднестрской тать. Имеются в виду орды татар, опустошавших своими набегами украинские казацкие селения.

²³ Седми пространных морь. Имеются в виду моря, омывающие берега России – Мурманское (Баренцево), Белое, Балтийское, Камчатское (Охотское), Каспийское, Азовское, Черное.

**Ода Ея Императорскому Величеству Всепреспетлейшей
Державной Великой Государыне Императрице Елисавете
Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный
праздник тезоименитства Ея Величества сентября 5 дня
1759 года и на преславные Ея победы, одержанные над
королем прусским нынешнего 1759 года, которую
приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление
от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова²⁴**

*Щ*едрот источник, Ангел мира,
Богиня радостных сердец,
На коей, как заря, порфира,
Как солнце, тихих дней венец;
О мыслей наших Рай прекрасный,
Небес безмрачных образ ясный,
Где видим кроткую весну
В лице, в устах, в очах и нраве!
Возможно ль при твоей державе
В Европе страшно зреть войну?

Позволь, мне жар велит сердечный,
Монархиня, в сей светлый день,
Как в имени твоём Предвечный
Поставил нам покоя сень,
Безмолвно предвещаая царство,
Чтоб миром свергла ты коварство;
Позволь мне духа взор простерть
На брань и сродство милосердо,
Где кротости жилище твердо,
Жалка и сопостатов смерть.

О коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там – пламень, звук, и вопль, и шум!
Здесь – полдень милости и лето,

Щедротой общество нагрето;
Там смертну хлябь разинул ад!
Но промысл мрак сей разгоняет
И волны в мыслях укрочает:
Отверзся в славе Божий град.

Ефир, земля и преисподня
Зиждителя со страхом ждут!
Я вижу отрока Господня²⁵,
Приемлюща небесный суд.
Всесильный властью своею
Вещает свыше к Моисею:
«Я в ярости ожесточу
Египту сердце вознесенно;
Израиля неодоленно
Преспетлой силой ополчу».

Сие ж явил Бог в наши лета,
Неистову воздвигнув рать,
Дабы тебе, Елисавета,
Венцы побед преславных дать.
Позволил вознестись гордыне,
Чтоб нашей кроткой Героине
Был жребий – высша в славе часть;
Чтоб враг делам Российским верил
И опытом своим измерил,
Каков наш род, мочь, верность, власть.

²⁴ Отд. изд. СПб., 1759. Написано между 20 августа 1759 г., когда в Петербурге было получено известие о победе под Кунерсдорфом, и 2 сентября, когда было получено распоряжение К. Разумовского о напечатании оды. Публикуется по: *Ломоносов М.В. Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, 1986. Комментарии А.А. Морозов.

²⁵ *Я вижу отрока господня* и т.д. Пересказ текста из библейской книги «Исход», (гл. 7, ст. 1–4), где Бог обещает Моисею явить множество чудес и знамений и вывести «сынов израилевых из земли Египетской».

Парящей слыша шум Орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?²⁶
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты велик?
Еще ль, смотря на рок Саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желании своем?
Лишенный собственныя власти,
Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

Взирая на пожар Кистрина²⁷,
На прочи грады оглянись:
Что им не равная судьбина;
Не храбростью своей гордись.
Что земли, где твоя корона,
Не слышат гибельного стона,
Не видят пламенной зари,
Дивятся и в войне покою:
Победоносной над тобою
Монархине благодари.

Велика божеством природным,
Восходит выше тишиной;
Чтоб жить союзникам свободным,
Жалея, двинулась войной;
Узрев растерзанны союзы,
Наверженные скиптрам узы,
Рекла: «Как злых не укрочу,
Алчбе их света не достанет;
Пушкай на гордых гнев мой грянет,
Соблещет молния мечу».

От стран, родящих град и снега,
С Атлантской буря высоты
Стремится чрез бугристы бреги,
Являя страшные следы.
С дубами камни похищает

И горы, двигнув, раздирает.
Налегши на морской хребет,
Волнам встречается волнами,
Песок валит со дна с китами;
Там в пене стонет новый свет.

Так Россов мужество в походы
Течет противников терзать;
И роет чрез поля и воды,
Услышав щедрю в гневе Мать!
Где ныне королевско слово,
Что страшно воинство готово
На Запад путь наш прекратить?
Уже окровавлена Прегла²⁸,
Крутясь в твоей земли, пробегла
Российску силу возвестить.

Там Мемель²⁹ в виде Фазтонта
Стремглав летя, нимф прослезил,
В янтарного заливах понта
Мечтанье в правду претворил.
За Вислой и за Вартой³⁰ грады
Падения или отрады
От воли Росской власти ждут;
И сердце гордого Берлина,
Неистового исполина,
Перуны, близ гремя, трясут.

Еще не допустя до року,
С отвагой сопрягшись, талан
Гиганту приложили сроку,
Дабы ему умножить ран.
Цорндорфские пески³¹ глубоки,
Его и нашей крови токи,
Соединясь, кипели в вас!
Нам правда отдает победу;
Но враг такого после вреду
Еще дерзает против нас.

²⁶ *Фридерик* – Фридрих II (1712–1768), прусский король, спровоцировавший Семилетнюю войну. В сражениях при Гросс-Егерсдорфе (30 августа 1757 г.) и под Кунерсдорфом (18 августа 1759 г.) русские войска нанесли пруссакам серьезные поражения.

²⁷ *Пожар Кистрина*. Русские войска 15 августа 1758 г. бомбардировали и сожгли прусскую крепость Кюстри (Кистрин).

²⁸ *Прегл* – река Прегель в Пруссии, где расположен Гросс-Егерсдорф.

²⁹ *Мемель* сдался русским войскам 5 июля 1757 г.

³⁰ *Варта* – приток Одера. Ломоносов намекает на продвижение русских войск в Силезию.

³¹ *Цорндорфские пески*. Цорндорф – селение в Пруссии, где 25 августа 1758 г. состоялось крупное сражение.

Богини нашей важность слова
К бессмертной славе совершить
Стремится Сердце Салтыкова³²,
Дабы коварну мочь сломить.
Ни польские леса глубоки,
Ни горы Шлонские³³ высоки
В защиту не стоят врагам;
Напрасно путь нам возбраняют:
Российски стопы досягают
Чрез трупы к Франкфуртским стенам.

С трофея на трофей ступая,
Геройство Росское спешит.
О муза, к облакам взлетая,
Представь их раздраженный вид!
С железом сердце раскаленным,
С Перуном руки устремленным,
С зарницей очи равны зрю!
Противник, следуя Борею,
Сказал: «Я буйностью своею
Удар ударом предварю».

Подобно граду он густому
Летяще воинство стеснил,
Искал со стороны пролomu
И рвался в сердце наших сил.
Но вихря крутость пружестока,
В стремленьи вечного востока,
Коль долго простирает ход?
Обрушась тягостным уроном,
Внезапно с шумом, ревом, стоном
Преобразился в сонмы вод.

Бегущих горды пруссов плечи
И обращенные хребты
Подвержены кровавой сечи.
Главы валяются, как листья.
Теперь с готовыми трубами
Перед берлинскими вратами
Победы нашей дайте звук,
Что ваш король, полки, снаряды
Не могут вам подать отрады,
Рассыпаны от наших рук.

О честь Российского народа,
В дни наши воинов пример,
Что силой первого похода
Двукратно сопостатов стер!
Тебе тот лавры уступает,
Кто прочим храбро исторгает;
Кто вне привыкнул побеждать,
При дверях дом свой защищая
И крайни силы напрягая,
Не мог против Тебя стоять.

Такие у тебя герои,
Монархиня, в златой твой век,
Такие Бог полков дал строи,
Как царствовать тебя нарек.
Во всем послал тебе успехи,
И в мире и в войне утехи.
О коль блаженны мы тобой!
Искусства, нивы, торг, науки,
Победоносны слыша звуки,
Блажат свой внутренний покой.

Какого светлость зрю собора?
Подвижники меж звезд стоят,
Петрова наслаждаясь взора,
«Красуйтесь, – к сродникам гласят:
Мы стерли мужеством гордыню,
Мы смерть прияли за Богиню,
Что мертвым отдает живот,
От казни виновных свобода,
Щедротой бедных воскрешая
И дух вливая тем в народ.

Ревнуйте нашему примеру:
Поможет Бог, как нам помог;
Ее, Отечество и веру
Представив, презирайте рок.
Не ускорят вам дни покойны;
Явитесь в брани нас достойны
И детям сей внушите глас.
Герои семени Петрова,
На зависть устремляясь снова,
В потомках наших спросят нас».

³² Салтыков Петр Семенович (1700–1772), генерал, принявший в июне 1759 г. командование над русскими войсками и вскоре одержавший решительные победы при Пальциге и Кунерсдорфе.

³³ Шлонские – силезские.

Воздвигнися в сей день, Россия,
И очи окрест возведи;
К Тебе гласят концы земные:
«Меж нами распри ты суди
Елисаветиной державой;
Ее великолепной славой
Вселенной преисполнен слух.
Мы равно ныне восклицаем,
Желаний жертву воссылаем,
Как верных ей россиян дух.

Ея неодолимо войско
По правде ходит поборать;
И сердце с кротостью геройско
С пощадой знает побеждать.
Коль тщетно пышное упорство,
Надеясь на свое проворство,
Сбирает беглые полки;
В пределы кроткого зефира
Златого не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки».

С верхов цветущего Парнаса
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
«Еще победа, и конец,
Конец губительных брани».
О боже! Мира Бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери³⁴,
Питай нас тишиной Твоей.

Иль мало смертны мы родились
И должны удвоить свой тлен?
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен?
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов Твоих.
К Тебе, любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
«Низвергни брань с концев земных».
Между 20 августа и 2 сентября 1759

³⁴ *Военны запечатай двери* – т.е. прекрати войну (закрой двери храма бога Януса).

